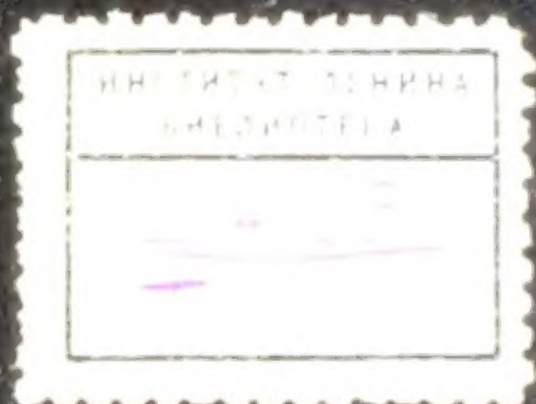
Кропоткин

Труд

Ручн. и умствен.

П. КРОПОТКИН.

ТРУД
РУЧНОЙ и УМСТВЕННЫЙ.

К ЧЕМУ и КАК ЕГО ПРИЛАГАТЬ.

Издание Т-ва И. Д. Сытина.

П. КРОПОТКИН.

ТРУД
РУЧНОЙ И УМСТВЕННЫЙ.

К ЧЕМУ И КАК
ЕГО ПРИЛАГАТЬ.

Москва. — 1919.

МОСКВА.
Типография Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. д.
1919.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Когда мы ходим по улицам большого города и видим множество хорошо одетых людей, встречаем щегольские экипажи, а в окнах магазинов нас соблазняют груды всякого товара,—мы склонны бываем преувеличивать наше народное богатство. Мы забываем, что в том же городе, в других кварталах, живут в «углах» и подвалах сотни тысяч рабочих и мастеровых, которые ходят в рваной одежде и дырявых сапогах, а в деревнях, у нас в России, миллионы людей сплошь да рядом пекут хлеб с лебедой и ходят летом полураздетые, в одних рубахах и дырявых портках, босоногие. Сколько миллионов людей стали носить сапоги только со времени войны! Сколько миллионов в России спят до сих пор без постели, на лавке, покрываясь рваным армяком!

На бедность масс и на малое число живущих в достатке не раз указывали некоторые социалисты. Но, вообще говоря, в сочинениях о народном хозяйстве (в политической экономии) пишется гораздо больше о *перепроизводстве* товаров, чем о недостаточности производства.

«Жадные фабриканты, — читаем мы, — постоянно стремятся наработать больше всякого товара, *чем его нужно.* Поэтому массы товара остаются непроданными. Тогда фабриканты уменьшают производство, и происходят *промышленные кризисы.* Сотни тысяч рабочих остаются без работы».

За последние тридцать-сорок лет в Европе и Америке, действительно, часто повторялись такие кризисы, и я видел, как тяжело было рабочим семьям переживать кризис в часовом деле, в Швейцарии, в конце семидесятых годов; затем в Лионской области, в шелковом производстве, и наконец во всей промышленности, в Англии, во второй половине восьмидесятых годов.

Очень тяжело было переживать эти кризисы; но тут же нам, стоявшим близко к рабочей жизни, было ясно что, происходят они не оттого, чтобы всякого товара было наготовлено больше, чем его нужно, а оттого, что массы трудового народа *не могут покупать на свои скудные заработки то, что им очень нужно и что они сами произвели.*

На деле все народы Европы еще очень бедны. В Европе насчитывают 300 миллионов жителей, и из них гораздо больше половины, а в иных государствах даже девять десятых населения недалеко ушли от нищеты.

Уже в 1851 году великий французский социалист Прудон указывал на всеобщую, неизбежную бедность при капиталистическом строе. Если взять за год *все,* что добывалось тогда и вы-

рабатывалось во Франции—хлеба, мяса, овощей, угля и всякого мануфактурного товара—и поделить поровну между всеми жителями Франции, то на каждого жителя приходилось всего пять су, т.-е. десять копеек в день. Вся Европа представляла тогда народ нищих, среди которых наживалась небольшая кучка богатых.

С тех пор многое из того, что прежде делалось руками, начали выделывать машинами, и в Западной Европе стали выращивать больше всякой пищи и производить больше всякого товара. Кроме того, европейцы стали больше наживаться трудом азиатских и африканских народов. Но даже и теперь, только в Англии, если взять все, что английский народъ сам вырабатывает и получает от торговли, и поделить это поровну между всеми жителями Англии, то получается всего 630 руб. в год на человека, т.-е. около полутора рубля в день. У нас же, в России, получается не больше пятидесяти копеек в день на каждого жителя. И из этих 50 копеек надо еще выплачивать все государственные и общественные расходы на образование, на медицинскую помощь и—на миллионы чиновников!

В сущности, несмотря на успехи наук и техники за последнее столетие, все народы, даже в Западной Европе, еще очень бедны. Везде еще много самой мрачной бедноты.

Вот почему, если мы хотим избавиться от теперешней бедности, мы должны одновременно добиваться двух целей: мы должны перестроить свою жизнь так, чтобы работа всего народа

не шла на обогащение небольшого числа владельцев земли и домов, фабрик, рудников, железных дорог и магазинов, *а вся шла на снабжение всех тем, что необходимо для безбедной жизни.* К этому и стремятся разными путями все социалисты различных школ.

Но одного этого еще мало. *Одновременно нужно* перестраивать жизнь так, чтобы *усилить все наше производство.* Нужно выращивать гораздо больше хлеба и добывать гораздо более всякой пищи, чем теперь. Нужно также добывать гораздо больше всякого «сырья», т.-е. хлопка, льна, конопли, кож, каучука, нефти угля и всяких металлов. Нужно производить, гораздо больше всякого мануфактурного товара: тканей, платья, железного товара, мебели, книг, учебных пособий; строить гораздо больше здоровых жилищ, и, наконец,—необходимо изобретать больше инструментов и машин, облегчающих труд человека.

Без большого усиления производительности всего общества, *социализм невозможен.* Он был бы не чем иным, как *установлением всеобщей нищеты.* И если со времени провозглашения в 1793 году социалистических начал, т.-е. «равенства на деле», как тогда говорили,—равенства экономического; если со времени великого социалистического движения во Франции в сороковых годах и восстания парижских пролетариев в июне 1848 года социализм так медленно развивался, то именно потому, что сами пролетарии чувствовали до последнего времени, как бедно человечество, даже в передовых странах.

Только за последние лет тридцать, благодаря успехам естествознания, а с ним и техники, люди начали сознавать свои силы и *верить в возможность благосостояния для всех.*—«Довольство для всех!» и должно быть нашим боевым кличем.

Чтобы убедить людей в том, что такое довольство возможно, и чтобы показать пути, как *этого* достичь, я написал книгу: *Поля, фабрики и мастерские. Промышленность, соединенная с земледелием и умственный труд с ручным.* Но не у всякого найдется досуг, чтобы прочесть книгу в 270 страниц, а потому я постараюсь вкратце изложить здесь ее основные мысли.

I. ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН.

Во всякой работе нужно обдумать наперед, что и как вы намерены делать? За что взяться, и как это выполнить? А потому,—вот некоторые соображение, к которым приводит изучение не одних книг, а главным образом действительной жизни разных стран. Они помогут разобраться в том, что предстоит выполнить в хозяйственной перестройке, предстоящей всем образованным народам при переходе от нынешнего строя жизни к новому, лучшему строю.

В девятнадцатом веке хозяйственное развитие различных народов шло в двух направлениях. В одном направлении шла Англия; в другом—Соединенные Штаты и Франция.

Англия с Шотландией занимают большой остров, окруженный незамерзающими морями и изрезанный множеством глубоких заливов. Их береговое население с детства привыкает к морю и любит его. Оттого здесь издавна развились мореплавание и морская торговля с далекими странами. Почва Англии и Шотландии изобилует железной рудой и каменным углем, и оттого здесь рано развилась выделка железа и всяких железных изделий. Наконец, в Англии уже в 1639—1648 годах произошла революция, и эта революция освободила народ от многих пережитков крепостной зависимости, от самодержавных королей и государственной Церкви, и она дала городскому населению большую независимость и самоуправление [1].

Благодаря этому, в Англии стали быстро развиваться всевозможные ремесла, а затем с изобретением паровой машины стала создаваться большая фабричная промышленность. Всевозможные машины были придуманы, чтобы заменить ручную работу машинною в добывании угля, в прядильном и ткацком деле, в обработке металлов и т. д. Вскоре Англия стала главною промышленною страною в мире. Ее торговый флот разросся до неслыханных размеров и бороздил океаны и моря, привозя всевозможные товары (чай, кофе, пряности, ткани, хлопок

---

[1]) За 120 лет перед тем такая же революция совершилась в Нидерландах, т.-е. в Голландии и теперешней Бельгии, 140 лет спустя—во Франции, а с 1905 года началась в России.

и всякое сырье из всех стран света) и развозил по всему миру то, что вырабатывали английские фабрики.

Торгующие классы и фабриканты быстро богатели. Богатели и землевладельцы, так как города быстро разростались, и богатые люди скупали земли—одни для перепродажи, другие—чтобы заводить богатейшие имения и строить себе на землях, отбиравшихся у сельских общин, дворцы, окруженные садами и парками. Крестьян обращали в наемных робочих, а земли сдавались в аренду фермерам.

В барских имениях земледелие, одно время, дошло до высокой степени совершенства. Но мало-по-малу крупная земельная аристократия стала также заниматься промышленностью, торговлею и банковыми делами, и земледелие стало приходить в упадок. За последнее время дошло до того, что Англия, несмотря на прекрасный климат и почву, должна была привозить из других стран больше половины нужных ей хлебов; у себя же она засевала всякими хлебами не больше одной пятой части всей земли, удобной для посевов [1]). Хлебов, овощей, фруктов, сена, скота, масла,—всего этого выращивалось в самой Англии очень мало для густого ее населения, и народ жил главным образом привозною пищею.

Несмотря на это, благодаря торговле, часть жителей богатела, и англичане стали давать

[1]) Под пшеницей в 1910 г. была всего одна пятнадцатая удобной площади.

взаймы иностранным государствам и иностранным банкам, железным дорогам и промышленным предприятиям громадные суммы, доходившие в последние годы до трех миллиардов франков в год, т.-е. свыше тысячи миллионов золотых рублей. Но масса народа продолжала жить в бедности, и фабричные рабочие часто страдали от остановок промышленности.

Как и везде в Европе, в первой половине 19-го века профессиональные союзы рабочих были еще запрещены, и только в шестидесятых годах они завоевали себе право собираться открыто. Причем, начиная с восьмидесятых годов в профессиональные союзы начали об'единяться массы рабочих, до тех пор не об'единенные: грузчики в доках, матросы коммерческого флота и женщины, работавшие на фабриках. Забастовки начали принимать грозный характер,

Тогда английская буржуазия скоро поняла надвигавшуюся опасность. Наученная опытом своей революции и двух французских, она пошла на уступки. Лучшие люди из буржуазии стали понимать необходимость существенной перестройки всего хозяйственного строя в социалистическом направлении.

Одновременно с этим стало понемногу расти убеждение, что долго так продолжаться не может: что сильное развитие промышленности, без соответственного развития земледелия, представляет серьезную опасность; и эта опасность стала еще очевиднее со времени войны; так что теперь здравомыслящие люди сами начинают проповедывать, что Англия *может* и *должна*

развить у себя домашнее производство пищи так же широко, как у нее развита промышленность.

* *

Совсем другим путем пошло развитие Соединенных Штатов и Франции.

Соединенные Штаты, как Россия с Сибирью, представляют часть громадного материка. Они доходят до океана с двух сторон и широко пользуются морским путем, но главным образом для внутреннего прибрежного сообщения. В Штатах тоже развилась большая обрабатывающая промышленность, и в этой промышленности проявляется такая же изобретательность, какую проявил английский народ в первой половине XIX века. Но главное свое внимание северо-американцы обратили сперва на земледелие и на создание у себя хорошо оборудованного класса фермеров.

Таких фермеров в Соединенных Штатах шесть с половиною миллионов. Они сами обрабатывают свою землю, с небольшою помощью наемного труда во время уборки хлеба. Все они имеют—часто четыре, пять, десять фермеров сообща — нужные машины; фермы соединены между собой телефонами. Они охотно пользуются советами опытных полей и практических инструкторов; и они об'единились в громадные союзы, обладающие и хозяйственной и политической силой. Многие об'единены в могучие кооперативы. Некогда сильно задолженные банкирамъ, они теперь большею частью

вышли из этого состояния, и для них создается теперь *взаимный* кредит на льготных началах. Таким образом фермеры представляют около 35 миллионов душ достаточных потребителей для американского мануфактурного товара, — несравненно лучших потребителей, чем полуголые дикари в Африке, или даже более образованные народы Индии и Китая. При этом Соединенные Штаты представляют *самодовлеющую страну*, которая сама производит свою пищу и большую часть нужного ей сырья, и потому не стремится завоевывать себе колонии.

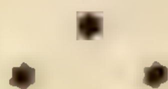
Надо еще прибавить, что образование в Соединенных Штатах (особенно в наиболее образованных Штатах) стремится дать каждому юноше, кроме книжного образования, еще и ремесленное обучение. Когда он кончает школу, он—не беспомощное создание, обреченное стать чиновником, как большинство наших юношей. Он сразу может стать на ручную, производительную работу.

Наконец Соединенные Штаты—федеративная, а не централизованная республика. Вследствие этого каждый Штат пользуется значительною независимостью, и таким образом отдельные Штаты, опередившие другие в своем развитии, могут делать опыты во всевозможных направлениях: в образовании, в судопроизводстве, в реформе тюрем, в рабочем законодательстве, не спрашивая позволения у центральных министерств. При этом федерализм, как показала теперешняя война, не помешал населению Штатов проявить поразительное единодушие, когда

оно почувствовало опасность со стороны императорской и империалистической, т.-е. завоевательной, военной нации,—Германии.

Что же касается до отношений труда и капитала, то благодаря обширности незанятых еще земель, они долго не обострялись так, как они обострены в Европе. Но за последние десятилетия профессиональные союзы рабочих так тесно сплотились и приобрели такую силу, что для меня лично нет никакого сомнения, что *когда они сознают, как перестроить фабричное производство, чтобы обратить его в общественное достояние, они сделают это.* Сила—уже в их руках. Не хватает только сознания—как совершить перестройку, не бросая всей страны во всеобщее разорение. Броситься в государственный социализм, как это проповедует часть социалистов, этого американский народ, конечно не захочет. А планы земледельческих промышленных Штатов-коммун, в роде предложенного Дебсом и встреченного с симпатией в среде рабочих союзов, а также, если не ошибаюсь, отчасти и фермеров,—такие планы еще мало распространены. Точно так же мало известны в массах делаемые в некоторых местностях фермерами опыты «Союзов Взаимности» («мютюэлистов»), по мысли Прудона, в которых товарообмен производится *чеками труда*, обозначающими часы работы, положенной на производство всякого товара—на четверть пшеницы, ведро молока, аршин сукна и т. д. Но мысль уже работает в социалистическом направлении, не только у писателей, как Генри Джордж и

Беллами, но и среди фермеров и организованных рабочих масс.

Англия с одной стороны и Соединенные Штаты с другой представляют, следовательно, два разных образца — два типа — хозяйственного развития.

По тому же пути, что Соединенные Штаты, идет Франция и неизбежно пойдет Россия.

Франция, благодаря своей Великой Революции 1789—93 года, создала у себя уже сто лет тому назад класс независимых крестьян, который постепенно развивался с тех пор.

Богатство Франции составляет именно этот класс населения, обрабатывающего землю своими руками. Правительства Франции, даже теперешняя Республика в первые годы ее существования, всячески стесняли крестьян и мешали их развитию [1]; но тем не менее крестьяне сделали многое в хозяйственном отношении. Они сделали из Франции богатую страну, как своим полевым, так (особенно) огородным и фруктовым хозяйством. Вследствие этого французские фабрики и заводы находят покупателей у себя дома, и теперь Франция становится, как Соединенные Штаты, самодовлеющей страной; она вывозит сравнительно мало товара, главным образом—высшего сорта.

---

[1]) Долгие годы крестьяне не смели основывать общества свыше 19 человек, даже для орошения, даже для покупки сообща удобрения или для сбыта своего кустарного товара. Этот закон был уничтожен только в 1883 году.

Развитие стран в этом направлении, конечно, не ограничивается одною Франциею и Соединенными Штатами. Все народы стремятся теперь к тому, чтобы развить у себя и земледелие и промышленность; но стремятся они к этому в разной мере, и одна из главных промышленных стран Европы, Германия, к сожалению, поставила себе целью разбогатеть, «как богатела Англия», — т.-е. повторяя у себя такое же чрезвычайное развитие промышленности и вывозной торговли, какое произошло в Англии в 18 и 19 веке.

II. Земледелие и промышленность

Когда, девятнадцатилетним юношей, я поѣхал, в 1862 году, прямо из военного училища на службу в Сибирь, я попал в столицу Забайкальской области, — Читу. Эта область была создана Муравьевым, всего за девять лет перед тем, и осенью 1862 года в Чите была открыта первая сельско-хозяйственная выставка. Население области состояло тогда из полукочевых бурят, из ссыльно-поселенцев, из бывших горнозаводских крепостных крестьян, обращенных Муравьевым в казачье войско, из небольшого числа вольных крестьян, поселившихся по Селенге и Уде, и из нескольких богатых деревень русских раскольников, «семейских», живших большими, неделеными семьями.

Образцы хлебов, выращиваемых в Забайкальѣ, несколько крепких степных лошадей, несколько кусков тонкого полотна, выделываемого семей-

скими женщинами, и разные изделия, выделываемые бурятами—особенно превосходно дублёные меха и посеребреные железные изделия (чернь), — вот все, что могло выставить Забайкалье. Промышленности, кроме казенной горной, тогда не было никакой, хотя уже тогда было известно, какие громадные минеральные богатства имеются в области.

Мне поручили составить описание выставки и, кстати, естественных богатств Забайкалья, и посоветовали расспросить об этом некоторых местных жителей, — в том числе молодого купца Замошникова, хорошо знакомого со всею областью.

У нас в корпусе, в специальном классе, под именем статистики, преподавали также политическую экономию; учитель (профессор Ивановскій) был интересный, и я серьезно познакомился с французским курсом политической экономии, Жана Батиста Сэя, известного последователя Адама Смита.

Веря заветам учителей, я, конечно, был убежден, что Забайкалье самой судьбою обречено на то, чтобы доставлять Европе сырье: кожи, соду, минералы; перерабатывать же это сырье будут на фабриках на Западе. Но когда эту мысль я сообщил Замошникову, он горячо запротестовал.—«Помилуйте,—говорил он,—зачем нам посылать все это в Россию? У нас все есть на местах, чтобы обрабатывать кожи, добывать железо, выделывать стекло (превосходный кварцевый песок и залежи соды в Баргузине) и т. д. Все есть,—все, кроме технического обра-

зования! Ну, а это мы скоро заведем; пусть только нам не мешают, и вы увидите, какіе мы сами заведем технические школы!»

Нужно ли прибавлять, что именно этого царское правительство не позволило. А потому, когда началась японская война, всякую подкову и гвоздь, последний стакан и чашку приходилось возить с Урала. Но справедливая мысль Замошникова засела мне в голову. Я вспомнил о ней, когда принялся изучать хозяйство Европы, и нашел ей подтверждение в современном развитии различных стран.

Ни одна из образованных стран не желает более быть простою поставщицею сырья: все стремятся, одна за другою, развить у себя промышленность, на ряду с земледелием. И они правы. Даже для того, чтобы развить у себя современное земледелие, необходима развитая промышленность. «Разделение труда» между нациями оказалось фантазиею.

Долгое время англичане воображали, что так как они первые развили у себя высокую обрабатывающую промышленность, они всегда будут первыми в снабжении других всяким мануфактурным товаром.

Так и было одно время, и Англия сильно богатела. *Но теперь этого уже нет.* Полвека тому назад, хороший мануфактурный товар закупался в Англии Германией, Соединенными Штатами, Австрией, Россией, Италией, Азией. Но понемногу все страны начали обзаводиться своими фабриками. Первою из покупательниц английского товара начала отпадать Германия,

за ней — Австрия, Россия, а за ними — Соединенные Штаты, Италия, Япония, даже Мексика. Все начали производить мануфактурный товар у себя дома и соперничать с Англией на рынках. Цены на английский товар сбили так, что англичанам приходилось вывозить вдвое больше товара, чтобы выручить ту же сумму денег, что раньше. Многие английские фабрики закрывались, тогда как немецкие, русские, американские процветали, сбывая свой товар у себя дома.

Конечно, в новых странах промышленность развивалась под защитою высоких ввозных пошлин, наложенных на иностранный товар. Но мало-по-малу, с развитием промышленности, становилось ясно, что уничтожение пошлин уже не повредило бы местной промышленности: оно скорее заставило бы фабрикантов улучшить свои способы производства.

Со времени победы, одержанной Германиею над Францией в 1871 году, германская промышленность стала развиваться с поразительной быстротой. Захват Германиею Лотарингии, где находились богатейшие железные рудники Франции, а также захват такой промышленной области, какою был Альзас, пятимиллиардная контрибуция, заплаченная Франциею, и общий под'ём духа в Германии после победных войн, а также широко развитая сеть университетов и технических школ, — всё это помогло Германии в короткое время сильно развить, как свою промышленность, так и свою морскую торговлю; так что за последние годы перед

войною Германия уже была, в промышленности и мировой торговле, действительною соперницею Англии.

* * *

Но еще поразительнее было промышленное развитие Соединенных Штатов, при чем тут сказалось полное различие между Американскою республикою и Германскою империей. И в той и в другой стране промышленность начала развиваться почти одновременно, — в семидесятых годах 19 века. Но в то время, как немцы только перенимали у своих старших братьев способы каждого производства и модели машин, Соединенные Штаты во всех отраслях изобретали заново. Они изобрели, например, ткацкий станок Норсропа, до того совершенный, что один ткач может смотреть за десятью, 15-ю и даже 20-ю такими станками. Ими же изобретен новый способ выработки железных руд и особенно—добывание каменного угля (подземными залами, вместо галлерей), ныне уже широко принимаемый в Англии. В ткацком, сапожном, железном, угольном деле, — везде ими введены новые, лучшие способы, там, где немцы довольствовались концентрациею производства в руках больших компаний, а еще чаще—больших банков. Даже плотничьи инструменты, которыми человечество работало уже более 2000 лет, т.-е. пила, рубанок, циркуль, топор,—заменены новыми, лучшего образца. Наконец, в Штатах изобретено все то, что в корне изменило нашу жизнь: телефон, практические электрические

трамваи и подземные уличные железные дороги, летательная машина (*Ланглей* и братья Райтъ), практичные швейные и писальные машины, фонограф, способ использования такого водопада, как Ниагара и т. д. Вообще, их техника на каждом шагу поражает приезжего сочетанием дерзостного замысла с необычайною систематичностью организации.

Таков и весь общий характер развития: сочетание сильно развитой смело - предприимчивой обрабатывающей промышленности с таким же предприимчивым земледелием. Американцы поняли то, что̀ так настойчиво проповедывал великий родоначальник социализма, Фурье: необходимость *интеграции труда*, как он выражался, т.-е. об'единение земледельческого труда с промышленным, и ручного с умственным. В этом направлении Соединенные Штаты сделали больше всякого другого народа; и вследствие этого они далеко опередили других в развитии у себя благосостояния.

К сожалению, ни одна из стран, развивавших у себя промышленность, не приложила таких же сил к развитию земледелия. Англия за последние сорок лет прямо-таки запускала обработку своей земли. Россия, сильно развивши свою промышленность со времени освобождения крестьян въ 1861 году, замешкалась в развитии земледелия. Наши фабрики, выделывающие изделия из хлопка, стоят в ряду самых больших предприятий в этом роде во всем мире, и лучшие из них прекрасно оборудованы. Железные заводы южной России, при

помощи бельгийского знания и капитала, быстро развились и считаются не из последних в Европе. То же самое следует сказать про нашу нефтяную промышленность и про паровое судоходство по нашим рекам. Сколько ни препятствовало царское правительство развитию естествознания, как боязливо ни относилось оно к техническому образованию, Россия много сделала в этом направлении и, по крайней мере, в крупных отраслях — ткацко-прядильной, выделке рельсов, подвижного состава на железных дорогах и нѣкоторых других,—она уже сбросила с себя зависимость от иностранного товара.

Но в земледелии Россия жестоко отстала сравнительно с Соединенными Штатами или даже с Францией и Данией и некоторыми частями Германии, как Альзас, Гессе и нѣкоторые другие.

Наконец, Италия и Австрия (особенно Богемия) тоже стали освобождаться за последнее десятилетие от прежней своей промышленной зависимости и от ввоза товаров из-за границы. Не имея вовсе угля, Италия развила у себя хлопчато-бумажную и железную промышленность; и по тому же пути идет уже Австро-Венгрия. Швейцария, не имеющая ни своего угля, ни своего железа, ни моря для ввоза их, сумела даже развить у себя превосходное машиностроительство.

Все это подробно разобрано в моей книге *Поля, фабрики и мастерские*, и я отсылаю к ней интерессующихся этим предметом. Прибавлю только, что и по отношению к колониям боль-

ших европейских государств теория времен Адама Смита, обрекавшая колонии на производство сырья и полную зависимость от стран мануфактурных, не оправдалась. Колонии Англии становятся ее соперницами по вывозу мануфактурного товара.

Сами англичане прекрасно начинают это понимать и отказываются от мечты быть единственными и даже главными поставщиками мануфактурного товара для всего света.

* * *

К сожалению, в Германии до сих пор не признавали этого поворота в международной жизни. Гордясь быстрым развитием своей промышленности, германцы мечтали об одном,— повторить в истории то, что совершила Англия, ставши одно время владычицею рынков всего мира. Масса книг, ученых и популярных, специально для этого написанные завоевательные романы и тысячи журнальных и газетных статей распространяли эту мысль: «Германия должна разбогатеть, точно так, как разбогатела Англия. История Англии должна повториться в Германии».

Успевши в силу военного превосходства, ограбить Данию в 1864 году, разбить Австрию два года спустя; отнявши в 1871 году у Франции две богатыя области, Эльзас и Лотарингию, сорвавши с нее громадную контрибуцію и задержавши на одно поколение ее дальнейшее развитие, — германцы поставили себе целью, использовать свои военные силы, чтобы силою

оружия завоевать мировое господство в промышленности и торговле. Для этого они решили, прежде всего, разорить промышленность Франции; затем задержать промышленное развитие России, заставив ее добывать сырье для немецкой промышленности и наводнив Россию своими фабриками и заводами под покровительством трактатов, навязанных силой меча; поработить экономически Италию, угрожая ей из Триеста; завоевать Турцию и Малую Азию, стать твердой ногой на Персидском заливе и угрожать Азии, и т. д. Все это беззастенчиво развивалось в Германии во всех подробностях,—в ученых книгах, в газетах и в романах о будущей войне, расходившихся в миллионах экземпляров.

В одном обочлись германцы. Они проглядели, что Англия достигла промышленного преобладания в мире и богатства тем, что совершила свою революцию, освободившую среднее сословие от феодального строя, за 140 лет раньше Франции и за 250 лет раньше других больших европейских государств. А между тем именно эта революция дала могучий толчок всему умственному и хозяйственному развитию английского народа—посреди Европы, еще дремавшей в тисках феодализма. Но эти условия уже не повторятся, так как все народы уже развивают у себя обрабатывающую промышленность, рядом с земледелием. Мало того. Если прежде можно было строить обогащение одного класса на нищете других, то теперь и это невозможно. Явились новые требования, наро-

дились новые идеалы, и от социализма теперь уже не отделаться «Кровопусканиями», как отделались в 1848 году.

III. Возможности земледелия.

Мы видели, что все народы идут к тому, чтобы развить у себя промышленность, и все вынуждены одновременно развивать у себя земледелие.

Но возникает вопрос: может ли страна, густо населенная и с развитой промышленностью, выращивать пищу для своего населения? Или же,—как это постоянно утверждают (бездоказательно, должен прибавить) писатели о народном хозяйстве,—это невозможно?

Возьмем же одну из самых густо населенных и промышленных стран Европы, живущих привозною пищею, — Великобританию (так называют собственно Англию с Шотландиею и Уэльсом) и посмотрим, может ли она прокормить свое население на своей земле?

Земли, *удобной для обработки*, имеется в Великобритании 12 с половиною миллионов десятин (неудобной и под городами, дорогами и проч. 8 миллионов). Населения теперь 41 миллион, и свыше двух третей потребляемой им теперь пшеницы привозится из-за границы.

Между тѣм, в пятидесятых годах 19-го века *почти три четверти всей потреблявшейся пшеницы выращивалось дома*, при чем еще много оставалось удобной, но не обработанной земли. Что же такое случилось за эти 50 или 60 лет?

Случилось то, что английские и шотландские землевладельцы — большею частью очень крупные землевладельцы — стали терять интерес в земледелии. С развитием промышленности и промышленных городов они очень выгодно продавали часть своих земель городам и железным дорогам. Другие, пользуясь политическою властью, наживались на государственной службе; третьи—на постройке железных дорог или внешней торговле. Все они теряли интерес в земледелии, и те, которые продолжали заниматься им, смотрели на него, как на барскую прихоть. И в результате вышло то, что в восьмидесятых годах Англия должна была ввозить из-за границы уже *две трети* потребляемой ею пшеницы, при чем такая недостача не об'яснялась ни приростом населения, ни ничтожным увеличением потребления. Дело об'яснялось тем, что за 25 лет, к 1895 году, 720.000 десятин вышли из посева, из-под хлеба, а всего за эти годы было заброшено под пастбища свыше миллиона десятин.

В следующие десять лет дела пошли еще хуже, площадь под всеми посевами уменьшилась еще на 370.000 десятин; а к 1910 году площадь всей земли в севообороте уменьшилась почти на миллион десятин (942.000) против 1885 года!

Ясно, таким образом, что Великобритания не прокармливает своего населения вовсе не потому, что не может, а потому, что землевладельцы не обрабатывают свои земли, а либо сдают их под парки для охоты, либо держат под пастбищами.

Но и пастбищами они не пользуются, как следует. Хотя в пастбища обращено было почти миллион десятин за последние 25 лет, количество рогатого скота за те же годы *уменьшилось на 250.000 голов*. Словом в течение пятидесяти лет земледелие Великобритании приходило в упадок. Земля пустовала. Даже огородничество не развивалось сообразно растущим потребностям.

Когда мы писали об этом, ученые писатели по народному хозяйству, ссылаясь на «разделение труда», отвечали нам, что так и должно быть. Англия—промышленная страна, писали они; ей нечего обрабатывать свою землю; хлеб ей подвезут из России, из Америки и всяких других стран, отсталых в промышленности

Между тем оказывается, что соседка Англии, Бельгия, хотя она страна еще более промышленная, чем Англия, так как вывозит мануфактурного товара в полтора раза больше на каждого жителя, чем Англия [1]), тем не менее прокармливает своим хлебом девять десятых своего населения; при чем она еще вывозит много своих пищевых продуктов: овощей, сахара и скота.

То же самое во Франции. Даже в Германии— в ее западных частях, в бывшей французской

[1]) Ежегодный вывоз Бельгии в последние годы достигал 171 руб. на душу населения, против 100—102 руб. в Англии.

провинции, Эльзасе, в Гессэне и Ганновере, где развито мелкое землевладение, земледелие стоит в гораздо лучшем положении, чем в Англии.

Одним словом, Англия кормится привозным хлебом не потому, что она густо населена, не потому, что в ней сильно развита промышленность, а потому, что в ней удержалась очень крупная земельная собственность, и крупные землевладельцы, пользуясь другими доходами, не стремятся получать из земли то, что она может дать [1]).

* * *

Любопытно было узнать, поэтому, сколько народа может прокормиться, скажем, с каждых ста десятин *удобной* земли; и для этого я познакомился с земледелием в некоторых местах Европы, где оно достигло высокого развития: именно в бельгийской провинции, Фландрии, на равнинах северной Италии в Ломбардии, и наконец, на Нормандских островах Джерсее и Гернзее.

Выводы получаются поразительные. Если взять всю Бельгию, то каждые сто десятин ее земли дают, средним числом, по 78 пудов пшеницы;

---

[1]) Это так колет глаза английского народа, что во время войны решено было провести новые законы, в силу которых от землевладельца будут *требовать*, чтобы он обрабатывал землю, а если он этого не сделает, ее будут отбирать в опеку. В прошлом году это уже начали приводить в исполнение.

тогда как в Англии каждые сто десятин дают только 43 пуда. В Англии для прокормления десяти коров требуется от шести до семи десятин земли, и в редких случаях довольно трех с половиною десятин. В Ломбардии же на орошаемых лугах на одной десятине собирают корм для девяти, десяти и иногда даже одиннадцати коров.

Но всего поразительнее земледелие на острове Джерсее. Здесь сохранились до сих пор нормандские законы землевладения, и вследствие этого земля разбита на небольшие фермы, от одной до 10 десятин; затем здесь нет почти никаких ввозных пошлин, и самоуправление доведено до самых скромных и простейших форм. Здесь развилось, поэтому, и дошло до высокого совершенства мелкое, усиленное земледелие, огородничество, пчеловодство, выращивание особой, очень молочной породы скота и, наконец, за последнее время очень прибыльное выращивание раннего картофеля и усиленное разведение винограда, томатов и даже самых простых овощей в теплицах.

Из всего этого получается то, что островок Джерсей, всего в 12 верст длины и 9 ширины, имеющий всей земли 5.920 десятин, из коих только 3.657 дес. под посевами, а 1.920 под сеяной травой и лугами, вывозит каждый год на 1.115.600 фунтов стерлингов (11.156.000 золотых рублей) раннего картофеля, фруктов, овощей и породистого скота. Другими словами, на 3000 руб. с десятины обрабатываемой земли и 2.000 р. с десятины всей удобной земли.

Вот что может дать земледелие там, где оно не стеснено монополией землевладения и вообще государством [1]).

Еще поразительнее огородничество и садоводство, развившиеся во Франции, в предместьях Парижа, а также некоторых других городов. Вокруг Парижа создался целый громадный промысел огородничества; и смело можно сказать, что парижские огородники сделали больше для снабжения людей здоровою пищею, чем все ученые общества и академии. Они разводят овощи, большею частью, в парниках, широко пользуясь также и стеклянными колоколами для молодых растений, которые пересаживают два раза, прежде чем высадить в гряды; и, благодаря этим, выработанным ими приемам, они получают каждый год *по восьми и более сборов с того же клочка земли*. Количество овощей, добываемых ими с десятины, просто баснословно; а так как они очень рано весной получают свои овощи, то денежная ценность производимого ими товара очень высока, вследствие чего собственники земли вокруг Парижа дерут с них чрезвычайно высокую арендную плату.

---

[1]) Земледелие и огородничество так развиты на Джерсее, что я очень советую нашим кооператорам, заинтересованным в развитии у нас усиленного сельского хозяйства, послать на Джерсей, на год или два, нѣскольких молодых людей поучиться у джерсейских крестьян и садовников.

За последнее время точно так же сильно развилось во Франции садоводство. На десятки верст вокруг Парижа раскинуты целые сети каменных стен, на южной стороне которых разводятся всякие фруктовые деревья для получения вишен, абрикосов, груш тонких сортов и столового винограда.

Но не в одних окрестностях Парижа так развилось садоводство. Есть целые местности в окрестностях железных и других заводов, недавно еще покрытые заводскими отвалами, которые из мрачной «черной страны» обращены были за последние годы в роскошные сады. То же самое—в окрестностях заброшенных каменоломен.

Не менее блестяще развилось недавно садоводство под стеклом в Бельгии. Благодаря дешевизне угля, целые десятины покрываются теплицами для разведения винограда, а также персиков, дынь, и т. п. Дело дошло до того, что в последние годы перед войной жители Лондона имели превосходный черный виноград с островов Джерсея и Гернзея и из Бельгии круглый год по очень сходной цене. На оптовом рынке Лондона, Ковент-Гарденѣ, превосходный черный виноград продавался зимою от 40 коп. до 75 коп. за фунт. Начиная же с июня, цены падали, и стояли от 28 до 20 и даже до 16 коп. На Рождестве, в нормальные годы, цена была не выше 24 коп. за фунт.

«Дешевое топливо — дешевый виноград», говорят опытные английские садовники. Мало того, достаточно самой первобытной холодной

оранжереи (не топленой), чтобы около Лондона (я это знаю из личного опыта) иметь в октябре виноград, затрачивая на него несравненно менее труда, чем затрачивают в Швейцарии, где строят для этого террасы на склонах гор, и женщины носят в гору на спине удобрение для виноградников.

Вообще, возможности земледелия так велики, что все те, кто специально не задумывался над этими вопросами, не имеют даже отдаленного представления о том, сколько пищевых продуктов можно собрать с клочка земли, если умело его обрабатывать. Много страниц можно было бы наполнить множеством самых любопытных данных; но я вынужден ограничиться сказанным и отослать желающих к упомянутой уже книге и названным в ней сочинениям о *саженой и пересаженной ржи и пшенице*, над которыми уже 50 лет тому назад были сделаны поразительные опыты. Не будем говорить о будущем или же о том, что обещают опыты с электризованием полей, с микробными поливками почвы, даже на осушенных торфяниках, и т. д. Беря только обработку земли, которая широко распространена во Фландрии, на Нормандских островах, в некоторых частях Голландии и даже Англии, можно смело сказать, что *мы еще не видим предела количеству пищи, которое можно с пользою вырастить на данной площади земли, при разумной ея обработкѣ*. Огородники сами *делают* себе плодородную землю, и в окрестностях Парижа, когда они переходят с одного участка на другой. Они

перевозят с собой, вместе со своими рамами для парников, слой земли, *сделанной ими из перегноя*. За последние десятилетия полеводство и огородничество сделали такие успехи, а обработка земли так упрощается со введением бензинных *тракторов*, которые с невероятной легкостью вспахивают в день три и более десятин, что наступает уже время, когда земледелец разогнет свою спину и узнает все прелести отдыха на возделанных им полях, среди выращенных им садов.

За будущее нечего бояться. Оно—в наших руках.

IV. Мелкое производство в промышленности.

В былые времена земледелие и промышленность не были так раз'единены, как теперь, многие горожане занимались земледелием и огородничеством, а в деревнях сильно были развиты кустарные промыслы. И в то время, как городские ремесленники удовлетворяли более утонченные потребности богатых, деревенские кустари удовлетворяли потребности деревни.

С появлением паровых машин начали, однако, создаваться большие фабрики. Миллионы рабочих были оторваны от земли и селились в городах и фабричных посадах, где им и их детям пришлось пережить все ужасы нищеты и частой безработицы, под гнётом безпощадного, жадного до наживы капитализма.

Много усилий пришлось приложить рабочим, тяжелую борьбу им пришлось выдержать, прежде чем они завоевали себе право об'единяться в профессиональные союзы и заставили признать за собой политическую силу. Более столетия ушло на это, и, наконец, теперь всем маломальски мыслящим людям становится ясно, что цивилизованным нациям предстоит совершить полное преобразование в отношениях труда и капитала и в корень изменить положение капитала в организации общества.

Требования социализма растут во всех странах, и везде идет серьёзная работа мысли в виду неизбежной перестройки. Но точно так же необходима и перестройка взаимных отношений между земледелием и промышленностью.

Во второй и третьей главе мы видели, что разделение народов на земледельческие и промышленные, из которых одни выращивают пищу и сырье, а другие специализуются на промышленности, — *невозможно*. Развитое земледелие невозможно без развитой промышленности.

Кроме того, когда мы изучаем жизнь человеческих обществ, мы видим, что не только во всех цивилизованных странах промышленные центры живут и работают рядом с земледелием, но что везде создается множество таких мелких производств, которым нет никакой нужды уходить из деревень в города, а, напротив того, прямой расчет не отказываться от земледелия, огородничества или садоводства.

В сороковых годах 19 века, когда машинное производство начало быстро развиваться в

ткацко-прядильном деле, и маленькие мастерки, державшие лишь несколько рабочих, стали быстро исчезать, французкий социалист Консидеран, в своем замечательном манифесте (послужившем вскоре обрасцом для манифеста Маркса и Энгельса) указывал на это вымирание мелкой промышленности в ткацком деле и, обобщая его, предсказывал исчезновение мелких производств и неизбежную концентрацию капитала в немногих руках. В первом Интернационале, когда я познакомился с ним в 1872 году, эта мысль была уже сильно распространена, и на ней рабочие строили свою веру в близость социальной революции. «Капиталисты поедают друг друга; число их быстро убывает, и скоро, когда их останется самая малость, нам легко будет справиться с ними», говорилось и повторялось на рабочих собраниях.

В жизни, однако, это не оправдалось. В то время, как в ткацко-прядильном, особенно в хлопчато-бумажном производстве, число мастеров действительно быстро убывало, создавалось множество других, новых отраслей промышленности, *и в каждой из них развитие начиналось с мелкого производства.* В большинстве случаев новые мелкие промыслы создавались в деревнях, не порывая связи с обработкой земли или молочным хозяйством. Так развилось в Европе бесчисленное множество мелких промыслов и мелких хозяев. То же происходило и в торговле, где большие центральные, столичные магазины плодили в провинции малые,—и число «капиталистов» не убывало, а быстро росло.

Этот факт обнаружился, как только нашлись люди, пожелавшие исследовать дело *в жизни*, и заставили свои правительства делать переписи всей промышленности, крупной и мелкой.

Тогда оказалось, что в самой промышленной стране в мире, в Англии, существуют по сие время, и отнюдь не собираются вымирать, множество мелких производств. Даже в таком крупном производстве, как хлопчато-бумажное, рядом с фабриками, имеющими по нескольку тысяч рабочих, уживаются мелкие фабрики, даже такие, где работает меньше 20 и меньше 10 человек. Не говорю уже о множестве других производств, начинающихся именно в виде мелкаго производства.

То же самое оказывается во Франции и особенно в Германии, где за последние 25 лет были произведены три переписи, с промежутками в 10 и 12 лет.

Везде переписи установили одно и то же. Есть отрасли, в которых производство сильно сосредоточено в больших фабриках, имеющих от 500 до нескольких тысяч рабочих. Таковы бумаго-прядильные и ткацкие фабрики, красильные, большие сталелитейные и железо-делательные заводы, кораблестроительные, газовые, химические и некоторые другие. Но рядом с ними, особенно во всех *новых*, недавно возникших промыслах, изобилует мелкое производство. Даже в отраслях, где преобладают крупные заводы и фабрики, поразительно велико число мелких предприятий.

Эти маленькие мастерския и фабрики оказываются при этом в высшей степени ценными для промышленности, так как во многих из них,— в слесарном, инструментальном, шелковом, бархатном, переплетном деле и др., работают особенно искусные мастера, не желающие затеряться на большой фабрике. Они постоянно делают множество мелких изобретений и вносят в свой промысел усовершенствования. Очень часто эти усовершенствования служат потом на пользу крупной промышленности. Так было недавно в велосипедном деле, где в тысячах мелких мастерских вырабатывались мелкие усовершенствования, давшие возможность перейти от очень неуклюжей машины к современному велосипеду, а затем и к машинному самокату и автомобилю [1]).

Затем, во всех отраслях большие фабрики дают начало множеству мелких предприяий. Дешевизна фабричного миткаля вызвала к жизни тысячи мастерских и малых фабрик для изготовления белья, воротничков, рукавчиков, запонок, пуговиц и т. д. То же самое в сапож-

[1]) В Англии, во время войны, правительство реквизировало свыше 4.000 заведений для выделки военного снаряжения. Из них было свыше 1.400 маленьких мастерских, с ничтожным числом рабочих, но зато самых искусных мастеров, нужных для приготовления самых точных инстру ментов. Немало таких «точных» мастерских развелось за последние годы вокруг Парижа, основанных мастерами, не желавшими подчиниться фабричной казарменности. Я не говорю уже об артистах во всех ремеслах, которыми держится превосходство и изящество производства во Франции, и о постоянно изобретаемых ими инструментах—машинах.

ном деле, где около больших фабрик развиваются целые мирки мастерских: заготовщиков и заготовщиц, выделки коробок, пуговиц и крючков, завязок, для починки сапог и т. д. Точно так же большие магазины в роде парижского Лувра и еще больших, подобных ему лондонских *Stores*, дают работу десяткам тысяч мелких фабрик и мастерских, для которых они служат весьма удобными выставками товара на продажу.

Целый мир, полный жизни, открывается перед теми, кто приступает к изучению мелких промыслов, особенно во Франции и в Швейцарии, где они часто связаны с садоводством или огородничеством.

Правда, что по временам этим мелким промыслам (точно так же, как и крупной фабричной промышленности) приходится переживать жестокие кризисы. Я близко видел два из них, в 1877 и в 1882 году. Но что всего поразительнее в мелких промыслах, это их способность приспособляться к новым условиям. Так, например, в Швейцарии, выделка дешевых часов перешла всецело к фабрикам, которые достигли высокой степени совершенства при поразительной дешевизне. Но вместо этого развились другие производства, тоже кустарные,—особенно выделка инструментов, в которой бывшие часовщики, привыкшие к точной мелкой работе, оказались превосходными мастерами, выделка хронометров и другие. В Лионе вымерло мелкое производство дешевых тканей, но производство изящного бархата и узорчатых шелковых

матерiй отборными мастерами осталось, и от него идет прогресс в этом деле.

Другими словами, кустарные мелкие промыслы проявляют такую живучесть, которая показывает, насколько они представляют собой естественное явленiе, имеющее основанiе в требованiях самой жизни.

* * *

Все сказанное вполне подтверждается переписями промышленности.

Отметим прежде всего, что до 1897 года в Англiи не было *никакой* статистики, дающей размеры фабрик и количества работающих в них рабочих. Сколько у каждаго фабриканта рабочих—считалось *частным* вопросом, котораго правительство не имело права задавать.

В силу этого, все соображенiя о концентрацiи «промышленности в Англiи», т.-е. о предполагавшемся исчезновенiи мелкой промышленности, были простыми *догадками*. И эти догадки немедленно опровергались, как только кто-нибудь давал себе труд ознакомиться *в жизни*, а не по книгам, с состоянiем того или другого промысла, как мы сделали это с Эдуардом Карпентером в Шеффильде, когда обошли крошечные мастерския многих сотен слесарей и ножевщиков. Оказалось, что выделка ножевого товара в Шеффильде—лучшаго в Англiи — поставлена точно так же, как у нас в Ворсме или Павлове. Работают либо одиночки, в каморках в два или три аршина в квадрате, либо в мастерских для пяти, шести, редко десяти человек; при чем в эти мастерския во всех трех

этажах большого четыреугольного здания проведена двигательная сила. Во дворе же, посреди этого же здания, отливаются из стали цилиндрические и другие болванки, из которых выделываются ножи и всевозможные инструменты.

То же самое в Бирмингаме, где мелкие слесаря производят невероятные количества ружей и мелкаго оружия, развозимаго по всему миру. И то же самое вы видите в сотнях мелких промыслов в известных кварталах Лондона (Ислингтон, Уайтчапель, Ламбес и др.), а также по деревням и городкам всей средней и северной Англии.

* * *

Первые точные статистические данныя о размерах мелкой промышленности в Англии, появились только в 1900 году. Они были собраны в 1897 году «фабричными инспекторами» и изданы главным инспектором г. Уайтлегге, который подвел им общие итоги; я тогда же обработал их и издал некоторые выводы из них [1].

Вот как распределялись рабочие в Англии в 1897 году:

	Фабрик и мастерских.	В них рабочих обоего пола.	Среднее число рабочих на каждое предприятие.
Текстильная промышленн. .	10.883	1.051.564	97
Прочие фабрики и заводы .	79.059	2.755.460	35
Разные мастерския.	88.814	676.776	8
Итого	178.756	4.483.800	25

[1]) В журнале Nineteenth Century, август. 1900. Последующие отчеты того же инспектора фабрик пополнили его сведения только насчет мастерских.

Мастерскими в Англии называют предприятия, не имеющие никакого механическаго двигателя. По позднейшему отчету таких мастерских было зарегистровано 91.249, рабочих в них 688.335 (средняя, тоже 8 человек на мастерскую). Всех же мастерских насчитывали 147.000 и, принимая те же средния, в них должно работать около 1.200.000 человек (820.000 мужчин и 356.000 женщин и детей).

Больших фабрик, на которых работает свыше 1000 рабочих, в Англии оказалось всего 65 в текстильной промышленности (102,600 рабочих) и 128 (355,208 рабочих) во всех других отраслях. Количество же мелких фабрик очень велико, даже в ткацко-прядильном деле: их насчитывалось около 2.000, при чем свыше 1.400 фабрик имеют менее 50 и даже менее 20 и 10 рабочих каждая. Число же маленьких мастерских так велико, что из пяти миллионов рабочих, зарегистрованных в английских фабриках, заводах и мастерских (не считая рабочих в рудниках), *почти одна четвертая часть*, т.-е. 24 процента, работают в «маленьких фабриках» и мастерских, имеющих, в среднем, *по восьми рабочих на заведение.*

Эти цифры,—*а других никогда не было*,—вполне уничтожают легенду, в силу которой большие фабрики будто бы поглотили в Англии большую часть мелких предприятий. На деле же есть целые отрасли, где процветают именно мелкие предприятия, особенно во вновь создающихся отраслях промышленности. Даже в текстильной

промышленности, рядом с очень большими ткацко-прядильными предприятиями для обработки хлопка, есть тысячи мелких фабрик для обработки шерсти, тонкаго полотна и всякой всячины для белья и одежды.

То же самое в заводах. Рядом с громадными кораблестроительными верфями, большими металлическими заводами и казенными оружейными заводами, существуют бесчисленные мелкие заведения; так что средняя цифра рабочих для 5.318 металлургических заводов падает до 70 человек на завод.

В химической отрасли, куда входит около 2.000 фабрик, за исключением нескольких очень крупных мыловаренных заводов, известных на весь мир, всё остальное—мелкие фабрики, так что средняя для этой отрасли всего 29 человек. То же самое мы видим в обработке дерева и пищевых продуктов, а в особенности в производстве одежды, обуви и всяких мелких принадлежностей.

Наконец, как уже сказано выше, в Англии есть 147.000 мастерских, в которых работает около 1.200.000 человек; и из них около миллиона работает всецело для обрабатывающей промышленности в мелких заведениях, имеющих, каждое, от 5 до 20 рабочих.

Вообще, знакомясь с миром мелкой промышленности, мы на каждом шагу убеждаемся, что мы имеем дело не с вымирающею формою производства, а с явлением, *полным жизни*, *необходимым* при развитии новых отраслей промышленности и *весьма ценным* для успехов в

промышленности вообще, так как именно в этих мелких мастерских делаются, *людьми ручного труда*, те тысячи мелких изобретений, которые двигают вперед развитие новых отраслей.

* * *

Говоря о мелком производстве во Франции, пришлось бы повторять то, что сейчас сказано об Англии. К счастью для Франции, у нас имеются 56 томиков описания различных частей Франции, г-ном Ардуэн Дюмазэ, который в продолжение 17 лет об'езжал из года в год различные части Франции и описывал их промыслы. В его очерках мы имеем живые картины из различных частей Франции, с их жизнью мелких земледельцев, отправляющих в большие города целые поезда фруктов или овощей, и целых сел, производящих бесчисленное разнообразие всевозможных изделий из дерева, кости и разных металлов, — очень часто при помощи электрической силы, получаемой из ручьев и речек [1]).

Наконец, большие города Франции, и особенно Париж, составляют центры всевозможных мелких промыслов. Тысячи красивых вещей, которыми восхищаются иностранцы, приезжаю-

---

[1]) Много извлечений из книжек Дюмазэ я дал в новом издании книги *Поля, фабрики и мастерския.* Но стоило бы составить полное описание этой стороны жизни Франции, по Дюмазэ и другим.

щие в Париж, для одежды и мелочей, для убранства комнат, изящные переплеты, кожаные изделия и т. д. изготовляются в тысячах маленьких мастерских, отчасти от руки, художниками-рабочими, или же при помощи постоянно изобретаемых ими «орудий—машин», движимых маленькими газовыми или электрическими двигателями. Опять—целый мир, полный таланта, изобретательности и жизни. Из него по преимуществу выходит та масса рабочих, которая служит в Европе двигателем социальных учений [1]).

---

[1]) Распределение рабочих по фабрикам и мастерским разной величины видно из следующей таблицы:

	Число предприятий	Число рабочих и служащих
Не пользующихся наемным трудом	520.700	1.084.700
От 1 до 10 служащих и рабочих	539.449	1.134.700
От 11 до 50	28.626	585.000
От 51 до 100	3.865	268.000
От 101 до 500	3.145	616.000
От 501 до 1000	295	195.000
Более 1000	149	313.000
Итого . .	575.529	3.111.700
Вместе с первым разрядом . .	**1.096.229**	**4.196.400**

Очень многое можно было бы сказать о мелкой промышленности в Германии; но я дам здесь только таблицы, подобные тем, которые даны для Англии и Франции [1]).

Особенно любопытно сравнить данные трех переписей. Вот они, в круглых цифрах, *для одних предприятий*, при чем приведена более точная цифра ремесленников-одиночек:

	1892.	1895.	1907.
Ремесленники, работающие в одиночку	1.430.000	1.237.000	995.000
От 1 до 5 рабочих . .	746.000	753.000	875.000
» 6 » 50 » . .	85.000	139.000	187.000
Свыше 50 » . .	9.000	18.000	30.000
Итого .	830.000	910.000	1.092.000
(Вместе с ремесленниками-одиночками).	(2.270.000)	(2.147.000)	(2.086.000)

[1])

1907.	Предприятия.	Рабочие.	Средн. на кажд. предпр.
Ремесленники, работающие в одиночку	944.743	944.972	1
От 1 до 5 рабочих . .	875.518	2.205.539	2,5
» 6 » 10 » . . .	96.849	717.282	7
» 11 » 50 » . . .	90.225	1.996.906	22
» 51 » 100 » . . .	15.783	1.103.249	70
» 101 » 500 » . . .	11.827	2.295.401	194
Свыше 500 рабочих . . .	1.423	1.538.577	.081
Итого .	1.096.625	9.858.120	9
Вместе с ремесленниками-одиночками	(2.286.368)	(10.852.120)	(5)

Заключения, к которым эти три переписи привели исследователей хозяйственной жизни Германии, подтверждают то, что мы видели в Англии и во Франции. — Нет сомнения, пишет один из них, что в Германии, точно так же, как в Швейцарии, Италии и Англии, кустарные промыслы обладают большою жизнеспособностью, За последнее время, благодаря дешевым двигателям, в них несомненно происходит обновление. Старые мелкие промыслы идут на убыль, пишет другой исследователь, но вместо них развиваются новые во всех отраслях, где ручная работа имеет преимущества над машинною, где ценность труда значительно превышает ценность материала, где нужна постоянно работающая изобретательность и, наконец, где требования меняются с временами года и прихотями моды. Поэтому в шерстяной и шелковой отрасли преобладают мелкие производства, а в хлопчато-бумажной — крупные.

То же самое оказалось и в Швейцарии, где, в 1905 году, наконец, была начата перепись кустарных производств. Хотя эта перепись была очень неполная, так как касалась только домашних производств, *и выключала мелкие мастерския*, она дала 92.162 кустарей, работающих в 70.873 предприятиях (хлопчато-бумажное производство, ювелирное, часовое, суконное, одежда и плетенье соломы); и это составило больше четверти (28,5 процентов) всех работников, занятых в Швейцарии в тех же промыслах. Три четверти этих кустарей работали в текстильной промышленности. Затем, из одной

очень обстоятельной работы Якова Лоренца видно, что более половины швейцарских кустарей имеют другие источники дохода—главным образом, в земледелии.

Наконец, мы знаем, как развиты мелкие промыслы в России, какая громадная доля, в снабжении крестьянских хозяйств всем нужным в их обиходе, выпадает на долю кустарей, и насколько мелкие промыслы в деревнях необходимы в течение долгой зимы. У нас были склонны представлять эту черту русского хозяйства, как признак его отсталости. Теперь же мы видим, насколько мелкие промыслы развиты в самых промышленных странах, и насколько их существование неизбежно и важно во всякой развитой промышленности.

Замечу еще, что при капиталистической форме производства и обмена товаров выгодно было соединять различные части производства, напр., пряденье, тканье, аппретуру и окраску тканей, в одно предприятие (хотя, впрочем, вокруг Манчестера мы видим и противоположное явление), *чтобы собрать прибыль в одне руки*, и главное — чтобы быть *силой на рынке при сбыте товара*. Но эта форма развития *уже уступает* место новой форме, дающей простор групповому почину и достигающей об'единения при помощи кооперации.

Несомненно также, что при современной дешевизне электрической силы маленькие двигатели будут вытеснять ручную выделку тканей и всякого другого товара, и мы уже видим,

как электрические двигатели развили множество новых мелких промыслов в городе Манчестере.

Дальнейшим шагом, несомненно, будет переход мелких фабрик в руки коопераций, или даже общин, как это уже делается во Французской Юре. В этом направлении кустарным промыслам предстоит большое будущее—с этим согласятся все, кто потрудится познакомиться с мелкою промышленностью *в действительной жизни*.

* * *

Истинный прогресс лежит, следовательно, в соединении крупной промышленности с мелкою, и во время войны в Соединенных Штатах был сделан поразительный шаг в этом направлении. Когда, с февраля 1918 года Германия начала беспощадно топить суда всех наций, приближавшиеся к берегам Англии и подвозившие ей продовольствие, и эллинги Англии не успевали строить новые пароходы взамен пущенных ко дну,—в Соединенных Штатах решились сделать новый шаг в постройке грузовых пароходов: решили строить сразу, по всей стране, тысячу пароходов одного и того же размера (в 4000 тонн) и образца. Различные части этих пароходов, крупные и мелкие, металлические и деревянные, должны были быть одного фасона и размера во всей тысяче начатых пароходов. Каждая часть имела свой номер, и вместо того, чтобы строить весь пароход со всеми мелочами его внутреннего устройства на берегу моря или в устье большой реки, как это делалось

до сих пор (вследствие чего жестоко замедлялась постройка), отдельные части пароходов строились повсеместно, в городах и деревнях *внутри страны*. На эллингах только *собирали* пароходы из пронумерованных частей.

Жизнь и ея потребности подсказали, таким образом, такие решения, которые и не снились нам,—так называемым утопистам. Точно так же и небольшие дома (коттэджи) начали строить в Англии и отливать отдельные их части из ферро-бэтона (т.-е. (цемента с железными крепями) по частям, под нумерами, с тем чтобы потом собирать их, где нужно. Так получается дешевизна и скорость постройки; а во избежание утомительного однообразия домов, из готовых частей собирают дома различного фасона и разной архитектуры.

Пусть только ум работает в *честном* направлении — его изобретательности нет пределов. И, благодаря этому, мы завоюем *благосостояние для всех*—без казарменного коммунизма—не по урокам Кабэ и Гракха Бабёфа, а по указаниям действительной жизни.

V. СОЕДИНЕНИЕ УМСТВЕННОГО ТРУДА С РУЧНЫМ.

Мы подошли теперь к одной из крупных задач, стоящих перед современными образованными обществами: к об'единению ручного труда с умственным,

В былое время учёные не брезгали ручным трудом. Итальянец Галилей был великий учё-

ный, сильно двинувший вперед науку,—и он сам делал себе телескопы для изучения небесных светил. Англичанин Ньютон, открывший основной закон мироздания — взаимное притяжение всех небесных тел, казалось бы, должен был быть чисто кабинетным ученым; а между тем он сам шлифовал стекла для своих опытов, и сам сделал себе очень хороший телескоп. Германский философ Лейбниц, который открыл новый способ вычислений и этим сильно двинул вперед естественные науки, изобретал повозки, движущияся без лошадей. Великий шведский ботаник Линней, описавший все растения северного полушария и давший им имена, учился ботанике, помогая своему отцу, садовнику. Таких примеров можно привести множество.

Теперь этого нет. Масса рабочих получает так же мало образования, как и их деды и отцы; но учёные перестали работать своими руками. Ученый, говорят они, должен открывать законы природы; прилагать их к технике будет инженер, а рабочий должен ограничиться работой в какой-нибудь части какого-нибудь производства: выделывать, например, как говорил Смит, «семнадцатую часть булавки». Понимать и изобретать новые машины—не его дело: на то есть инженеры-техники. Из учёных, только химики продолжают ручную работу в лабораториях— и оттого химия превзошла в 19-м веке другие науки в важных открытиях. Да еще в Соединенных Штатах нет такого строгого отчуждения между умственным и ручным трудом. и оттого,

должно-быть, мы обязаны американцам таким множеством изобретений.

К счастью, за последние десятилетия и в Европе стали замечать этот недостаток нашего образования, и повсеместно на очередь начал выдвигаться вопрос о необходимости такой школы, где обучение наукам шло бы рука об руку с обучением ремеслу. И мало-по-малу среди передовых людей стала складываться мысль о новой школе, где к восемнадцати годам юноши обоего пола получали бы такую научную подготовку, что могли бы продолжать самобытную научную работу, и, вместе с тем, приобрели бы такой навык в одной или нескольких отраслях производства, что были бы в состоянии принять участие в полезной, производительной работе.

Но как поставить обучение в школе — так, чтобы ученики не получали бы одно только поверхностное образование, как в науках, так и в ремеслах? Как достичь серьёзного образования и в том и в другом?

* * *

Для обучения ручному труду в школе уже выработались два способа, при чем оба имеют свои достоинства.

Один из них, горячо рекомендованный еще Руссо, недавно разработан был в Швеции и известен теперь под именем слёйда (*slöjd*). Он состоит в том, что детей, уже в младших классах, приучают мастерить разные безделки,—коробки, ящички для часов и т. п.; а потом, в старших

классах их учат делать вещи более солидные, например, скамьи и столы для школы, учебные пособия и т. п.

Этот метод, благодаря учительским классам, устраивавшимся каждое лето, на разных языках, в городе Nääs, имеет много сторонников в западной Европе. Я знавал учителей, побывавших на этих курсах: они возвращались восторженными поклонниками слёйда.

Другой метод был выработан одним французским рабочим-фурьеристом и был применен с большим успехом Деллавосом, в бывшем императорском московском техническом училище. Я познакомился с ним через одного моего ученика, которого я подготовил к поступлению в это училище. Теперь этот метод введен в нескольких высших технических училищах Соединенных Штатов (в Чикаго, в Тескаго), где он известен под именем «Московского метода», и в Шотландии—в абердинской технической школе. В России же, московское техническое училище, сколько мне известно, было преобразовано к худшему во время реакции Александра III.

Сущность этого метода состоит в том, чтобы рядом со строго-научным, *высшим* образованием обстоятельно научить молодых людей *основаниям четырех основных ремесл: столярного, токарного, литейного и слесарного* (то же самое— (с химией в химическом отделении училища). На каждое ремесло давалось по году; а потом, на пятый год, студенты уже делали на заказ различные машины или приборы, при чем на международных выставках они всегда получали

высшие награды. В те же пять лет они изучали высшую математику и механику в таких же размерах, как и мы, студенты математического факультета.

При обучении ремеслам в системе Деллавоса руководились тем, что в основе каждого ремесла лежит тщательная выделка некоторых основных вещей. В столярном ремесле, в основе лежит уменье *точно* выстрогать основные формы: брус, доску, *а* затем — *точно* обструганный цилиндр и вырезать различные сращивания досок и брусьев. В основе токарнаго ремесла лежит уменье хорошо выточить цилиндр, конус, шар и винт; а в слесарном—уменье точно выточить те же формы из металла. Научившись этому, человек может потом научиться в совершенстве разным ремеслам.

Преимущества этой системы очевидны. А чтобы молодежи не было скучно сидеть над брусьями и цилиндрами, выделанные ими части, слегка исправленные учениками высшаго класса, шли в дело и в продажу — либо как безделушки, либо как части выделываемых училищем приборов и машин (молотилок, локомотивов и т. д).

Такое образование давало прекрасных инженеров и механиков; тогда как в слёйде есть серьёзная опасность. Хотя он, несомненно, приохочивает детей к ручному труду, онъ может также приучить их к *неточной* работе, от которой потом очень трудно исправиться. В жизни, наверное, найдется нечто среднее между обеими системами. Но нужно помнить, что введение в «школу какого-нибудь» ручного труда, лишь

только назвать школу «трудовою» (как это проповедуется в одной из современных русских брошюр), рискует подготовить людей, которые никогда хорошо не научатся никакому ремеслу.

Конечно, детей можно заинтересовать ручным трудом, только давая им делать вещи, которые они сами закончат. В этом отношении шведская метода верна. Но и тут необходима точность и законченность работы, а ея трудно достигнуть, не привыкнув к точной выделке основных частей доски, бруса, винта и т. д.

* * *

Возникает, однако, вопрос: — «Возможно ли, при такой системе, дать серьезное научное образование?»

Опыт Московского Технического училища позволяет ответить на этот вопрос утвердительно. Будучи сам студентом математического факультета, я видел работы по математике учеников специальных классов Московского технического училища и убедился, что их теоритические знания не уступали нашим. Подобный же ответ мне дали в Чикаго и в негритянском Техническом училище в Тёскагй.

Дело в том, что ручной труд поразительно облегчает изучение математики—как геометрии, так и алгебры и высшей математики, а также физики, химии и всех естественных наук.

Известно, что основатель геометрии Пифагор открывал теоремы, раскладывая палочки на земле; а другой великий геометр, Эвклид, только *изложил* свою геометрию в виде дедуктивной

науки, т.-е. выводя первые теоремы из аксиом, а затем одну теорему из другой. Поэтому, учить детей геометрии надо тем же путем, каким доходил до нея Пифагор, смело пользуясь при этом ножницами и вырезками из бумаги и картона.—«От рук к мозгу», как говорил Песталоцци. Вообще, геометрии следует учить в виде *задач*. По личному опыту (при чем я пользовался прекрасным русским задачником) могу подтвердить, что таким путем достигаются прекрасные результаты, если ученики уже не приобрели скверной привычки, зазубривать доказательства теорем.

Юноша, решивший сам, без посторонней помощи, несколько начальных геометрических задач (построить угол, равный данному, разделить его пополам, возвести перпендикуляр, построить треугольник равный данному и т. д.), получает новое понимание не только математики, но и науки вообще. И это понимание еще более расширяется, если те же задачи ученики решают на дворе при помощи шнурка и кольев, а потом, переходя к геометрии в пространстве, сбивают из кольев профили железнодорожных насыпей и прорезов в них. Польза тригонометрии становится тогда ясною, и понимание астрономии поразительно облегчается.

Затем, в физике,—после того, как я в тюрьме, в Клерво, учил ей своих товарищей рабочих,— я не могу понять, как можно ее преподавать, не поясняя физические законы простыми приборами, которые легко могут делать сами ученики. Всё начало физики, т.-е., в сущности

элементарную механику, следовало бы проходить, *делая* вместе с учениками простые приборы для пояснения законов [1]).

Физическую географию тоже следует проходить, все время делая опыты, поясняющие складчатость земной поверхности, океанские течения, пассатные ветры. Все это можно делать с самыми простыми средствами, везде имеющимися под рукой, не говоря уже о тех простых приборах, которые могут делать ученики, и которыми могли бы обмениваться школы.

Когда убеждаешься *на деле*, какая при этом получается *экономия времени* (даже в том случае, если для начальных понятий затрачивается немного больше времени), то просто стыдно становится за нашу школу, которая, создавшись из монастырских схоластических школ, до сих пор держится их рутинных способов преподавания. Пора понять, что лучше пройти в школе *часть* физики, но так, чтобы ученики *научились учиться ей*, чем пройти всю физику на память, никогда не знать ее, и забыть её тотчас по окончании курса.

Точно так же всякий, кто присмотрится к теперешнему обучению ремеслам, поймет, какая

[1]) Тогда нужно, конечно, чтобы сам учитель понял, что, например, Атвудова машина—не что иное, как прибор для *замедления падения гирьки, не изменяя законов падения*, и что этого можно достичь, приделав к стене блок, повесив на него две равного веса гирьки и прибавляя небольшую тяжесть к одной из них. Тогда он увидит, что то же замедление достигается, протянув наклоненный туго натянутый шнур из второго этажа во двор и пуская по нем ключ. И так далее, без конца во всей физике.

невероятная потеря времени идет и в этом обучении. Он поймет так же, как легко приобретаются дурные привычки в работе, если в основу обучения не положена с самого начала привычка к *точной* работе. Он поймет, наконец, что истинная *быстрота работы* никогда не будет приобретена, если мастеровой привыкнет к работе кое-как, тяп-да-ляп, и как сплошь да рядом *леность* (когда она происходит не от физических причин) развивается именно потому, что ученик ничего не научился делать *хорошо*, красиво.

Понятно, что и здесь не следует пересаливать. Надо помнить, что детей надо *заинтересовать* в том, что они делают; а потому, требуя от них, чтоб брусок или цилиндр был тщательно сделан, надо требовать этого потому, что брусок или цилиндр войдут во что-нибудь, *как части нужной машины*. Так делали, между прочим, в училище Деллавоса, и училище немало выручало от продажи своих машин и приборов, чем и уменьшалась годовая плата за содержание. Но скоро пришла реакция Александра III, пришло другое начальство, и хорошее в училище было уничтожено. Спасибо, что в Чикаго и Абердине оценили это хорошее и спасли от забвения.

До сих пор речь шла только о преподавании естественных наук; но то же относится и до наук общественных. Возьмите, например, историю. Мы рассказываем детям о жизни Греции или Рима и не даем себе труда показать им, как живет наша деревня, или наш город, какое

их общественное устройство, какие у нас общественные учреждения и религия. Как идет теперь, и как прежде шла общественная жизнь в наших вольных городах; какую роль играет город в образовании и в торговле, а его Кремль (или укрепление) в защите от набегов; какую роль играют в жизни обществ *общественный инстинкт* и какова роль личного самопожертвования в развитии человечества.

И так во всем. Подобно тому, как в моем детстве нас учили ботанике по картинкам в книге, никогда не рассматривая живого цветка, так точно теперь учат юношей политической экономии, ни разу не познакомившись основательно с фабрикой во всей ея жизни и работе, с деревенской ярмаркой, с товарообменом в действительной жизни.

Но расстаньтесь с этой «схоластической», никуда негодной методой ученья, и вы увидите, как легко будут находиться новые способы преподавания; как быстро будет развиваться ум детей; как их сердце будет раскрываться для учений взаимности, добра и общественности,— тех чувств, на отсутствие которых мы так жалуемся сейчас особенно в русской жизни.

Допустим теперь, что какой-нибудь город или область дает такое образование бесплатно всем своим детям что каждое из них выходит в 18 лет из школы с хорошею научною и общественною подготовкою и с хорошим знанием

одного ремесла и основ всех прочих. Легко представить себе, как сразу изменится вся жизнь общества.

«Благосостояние для всех» перестанет быть коммунистическою мечтою: оно начнет воплощаться в жизни.

Но, возникает очень важный вопрос: не проиграют ли от этого наука и искусства? Не понизится ли научное и художественное творчество?

Опыт отвечает на это: «Нет! наоборот, есть полное основание думать, и вот почему, что то и другое повысятся».

Одним из величайших и плодотворнейших открытий 19-го века была так называемая механическая теория теплоты, т.-е. открытие, что теплота—вовсе не какая-то жидкость, сообщаемая нагреваемому телу (так учили нас в моем детстве), а *движение*: усиленное дрожание частичек того куска дерева или железа, который мы нагреваем. Это открытие, через технику, повлияло на всю нашу жизнь.

Замечательно, что догадывались об этом уже в конце 18-го века,—между прочим, англичане Румфорд и Дэви и наш Ломоносов; но вошло это в науку только в 60-х годах 19-го века: только тогда, когда на тысячах железных дорог искры сыпались из-под колес вагонов, когда тормозили поезд, и в кузницах, когда массы железа накаливались под ударами гигантских паровых молотов.

Дело в том, что вообще изобретения не являются плодом открытых учеными законов

природы, а в большинстве случаев *открытие законов является результатом изобретений.*

Механическая теория теплоты явилась результатом изобретения паровых машин и железных дорог; теория висячих и американских мостов была разработана после того, как выстроены были тысячи таких мостов; бактериология Пастёра создалась сто лет после открытия прививки оспы, и т. д.

Конечно, всякое научное открытие в свою очередь даёт начало дальнейшим изобретениям. Но до сего времени, как очень верно заметил один очень крупный ученый, Гельмгольц, искусство всегда шло впереди научной теории. Вот отчего большинство великих изобретений— паровая машина, железная дорога, пароход, ткацкая машина и т. д., были изобретены не учеными, а людьми ручного труда: инструментным мастером Уаттом, мастеровым Стивенсоном, учеником-ювелиром Фультоном, ткачом Харгрэвсом и т. д.

И явились эти изобретения преимущественно из Англии, потому что в Англии в конце 17-го века стала быстро развиваться промышленность, и тысячи мастеровых взялись изобретать всевозможные машины, чтобы выкачивать воду из угольных шахт, прясть основу для ткачей, перевозить тяжести, строить корабли.

Конечно, есть и всегда будут отдельные случаи, где великое открытие или изобретение было приложением научного закона. Но они редки, сравнительно с бесчисленными откры-

тиями, делаемыми в связи с ручным трудом или вследствие его.

Во всяком случае, ученые и художники могут только выиграть, если часть своей жизни они будут отдавать ручному труду.

Насколько лучше, с такою подготовкою, исследователи жизни обществ и историки поймут ход развития человечества! Насколько медицина лучше поймет значение здоровых условий жизни, если молодые доктора сами будут ухаживать за больными! Насколько сильнее поэт поймет красоты природы и познает сердце человека, если будет встречать восход солнца в поле, за плугом, вместе с другими пахарями, или вместе с матросами в бурю, на корабле, если он познает на опыте всю поэзию труда и отдыха, радости и горя, борьбы и победы вместе со всеми!

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Подведем итоги.—Целью политической экономии, т.-е. науки о народном хозяйстве, должна была бы быть *экономия*, т.-е. расчетливое расходование народных сил; другими словами, изучение производства того, что *нужно* всему народу, *при наименьшей бесполезной затрате сил*. Правду сказал великий Бэкон: всякая наука должна прийти к жизненному приложению. А потому, главным вопросом для науки о народном хозяйстве должен был бы быть вопрос: «На что именно и как затрачивать народный труд?»

На этот вопрос я и старался ответить в книге, которую я теперь излагаю; и из всего сказанного можно вывести такое заключение: «Наши производительные способности так возросли в течение 19-го века, и их так легко увеличить еще более, если смотреть на производство пищи и других богатств, как на общенародное дело, что если бы все работоспособные, лет до 50-ти или сорока, отдавали пол-рабочего дня, т.-е. пять часов, на производство того, что необходимо всем, т.-е. пищи, жилья и одежды, то другую половину дня, другие пять часов, мы могли бы отдавать вполне свободно, каждый по своему разумению, наукам, искусству и изобретениям,—тому, что каждым из нас облюбовано для себя. В таком обществе не было бы нищеты о бок с богатством, и вместе с тем была бы полная свобода исследований, изысканий и художественного творчества, без чиновной опеки, и был бы возможен такой быстрый прогресс, о котором теперь мы едва можем мечтать». Это не грезы, а выводы из изучения действительной жизни.

Опытом доказано, что если в продолжение нескольких лет небольшую часть времени, идущаго теперь на обработку земли, отдавать на улучшение почвы, а затем—улучшить приемы земледелия, то для того, чтобы вырастить годовую пищу для семьи в 5 человек, достаточно было бы *пятнадцати рабочих дней в году*.

Чтобы для такой же семьи вырастить овощей и фруктов в изобилии, достаточно было бы отдавать огороду и саду те часы, которые

каждый охотно отдает работе на свежем воздухе после работы на фабрике, на заводе или в рабочей комнате.

Из года в год мы отдаем четверть, а иногда и треть своего годового заработка на наем квартиры; и так идет всю нашу жизнь. А между тем доказано, в Англии, например, что при постройке превосходно оборудованных домов для рабочих достаточно от 600 до 1000 рабочих дней, чтобы навсегда обеспечить семейству из пяти до восьми человек здоровый, удобный и уютный домик. Теперь же рабочий всю свою жизнь отдает по 80 и по 100 рабочих дней в году за жилье,—и остается бездомным.

И наконец доказано, тоже опытом, что к 14-и и 15-и годам можно дать детям прекрасное, *человеческое* общее образование; а затем, в течение следующих четырех или пяти лет можно дать юношам солидное научное и техническое образование.

Все это доказано *опытом, на деле*; остается только проводить это в жизнь. Но, к сожалению, до сих пор это еще не проводится; и власть имеющие во всех странах мира тогда только начинают опять заговаривать о таких преобразованиях, когда в народных массах раздаётся подземный грохот надвигающейся народной революции, со всеми возможными ея бурными проявлениями.

Алчность зажиточных классов, умственная лень громадного большинства и желание сохранить расслоение общества на «высшие» и «низ-

шие» классы мешают даже приступить к существенным начинаниям в этом направлении.

В продолжение многих веков людей учили так: «Всячески старайся быть богаче других, и для этого, как можно больше заставляй других работать на себя. Тогда ты будешь управлять людьми». И в продолжение многих веков труд человека производил так мало, что другого выхода люди не видели.

Но теперь, развитие знаний и промышленной техники уже дало такую производительную силу и такие средства увеличивать ее по мере надобности, что *благосостояние одних нет более нужды строить на нищете многих.*

Пусть только каждый увидит, что он и его дети должны принять личное участие в производстве пищи, одежды, жилья и всего того, что нужно человеку, и наука с техникою не отстанут от требований общества. Оне облегчат труд каждого, сделают его не проклятием, а приятным, любимым делом.

В труде, в труде всех,—труде умственном, тесно соединенном с ручным, и ручном в тесном союзе с умственным, — лежит спасение человечества от жестоких войн, ведущихся ради порабощения одних народов другими, и от еще более жестоких внутренних потрясений в потугах общества для создания новой, более справедливой, более честной жизни.

Труд для всех и благостояние для всех! вот истинный боевой клич периода, в который вступили уже образованные народы.

ОГЛАВЛЕНИЕ.